

Тань Хуаньси оглянулся на Мо Шаохэна, стоящего рядом, и с восхищением произнёс:

— Очень уютный и изысканный чайный дом.

Мо Шаохэн слегка улыбнулся:

— У тебя ещё есть занятия днём, поэтому сегодня я могу только привести тебя сюда, чтобы немного отдохнуть.

Тань Хуаньси приподнял бровь:

— Я, естественно, доверяю вкусу дяди Мо.

Мо Шаохэн мягко засмеялся, промолчав, и, слегка обняв Тань Хуаньси за плечо, повёл его в небольшой дворик.

Тань Хуаньси сразу же ощутил свежий, естественный аромат цветов и деревьев, разливающийся в воздухе. В отличие от шума городских улиц, здесь царила тишина, нарушаемая лишь мягким журчанием ручья. Устроившись на месте, он повернул голову, чтобы полюбоваться небольшим прудом в центре сада.

Пруд, выложенный галькой, был окружён бамбуком, который покачивался на ветру, источая лёгкий аромат. Вода плавно стекала по искусственной скале, а звук ударов капель о камни создавал мелодичный перезвон, который успокаивал и умиротворял.

Тань Хуаньси глубоко вдохнул. Сидеть здесь действительно было невероятно приятно.

— Настроение улучшилось? — Мо Шаохэн заметил улыбку на лице Тань Хуаньси и почувствовал лёгкое удовлетворение.

Тань Хуаньси повернулся и пристально посмотрел на Мо Шаохэна. Этот человек всегда, незаметно для самого себя, вызывал в нём трепет. Это чувство не было внезапным взрывом эмоций, заставляющим сердце биться чаще. Оно скорее напоминало мягкое, постепенное течение воды — нежное и тонкое, касающееся его сердца едва уловимыми движениями и словами.

— На самом деле, я просто не люблю, когда мной управляют, — тихо сказал Тань Хуаньси. — Это ощущение, когда ситуация выходит из-под контроля, просто ужасно. Не знаешь, что произойдёт дальше. Понимаешь, что у человека плохие намерения, но вынужден отвечать, боясь, что всё станет ещё хуже. Если не противостоять, то не знаешь, что он задумал. Лучше самому пойти в логово тигра, чтобы получить шанс взять инициативу в свои руки.

Не дав Мо Шаохэну возможности ответить, он продолжил:

— Возможно, раньше моя жизнь была слишком сосредоточена на себе. Я думал, что достаточно просто делать своё дело и идти вперёд по уже проложенному пути, не обращая внимания на остальное. Но после той аварии я вдруг осознал, что окружающие стали казаться мне чужими. То, что должно было быть «домом», оказалось совсем не таким уютным, как я представлял. А те, кого я считал родными, на самом деле были врагами, желающими моей смерти.

Тань Хуаньси поднял глаза и встретился взглядом с Мо Шаохэном. Тот смотрел на него с мягкостью, в глазах читалось что-то вроде утешения. Внезапно напряжение внутри Тань

Хуаньси ослабло, и он с лёгкой улыбкой произнёс:

— Но жизнь всегда полна взлётов и падений. Пройдёт время, и всё наладится.

— Мм, — тихо отозвался Мо Шаохэн, продолжая молча смотреть на Тань Хуаньси. Казалось, он хотел что-то сказать, но не решался, словно подбирая слова. Через мгновение он произнёс:

— Если бы я не знал, что смерть моих родителей была спланирована их же близкими, я бы тоже думал, что «дом», даже если он не тёплый, всё равно является последним прибежищем.

Тань Хуаньси резко поднял голову. Это был первый раз, когда он услышал, как Мо Шаохэн рассказывает о своём прошлом. Он поставил чашку с чаем на стол, размышляя, как лучше задать вопрос:

— Я слышал от бабушки, что раньше в семье Мо всё контролировала старая госпожа Мо. Изначально она не планировала передавать права наследования вам.

Не трудно догадаться, что старая госпожа Мо, с трудом удерживая власть в семье, даже если бы решила передать её, отдала бы её своим родным детям. Что же произошло в семье Мо в те годы? Родители Мо Шаохэна погибли при загадочных обстоятельствах, и их права наследования мгновенно перешли к братьям. Не нужно было глубоко копать, чтобы понять, что это был ещё один случай братоубийственной борьбы за наследство.

Мо Шаохэн вдруг тихо рассмеялся, и в его голосе прозвучала лёгкая насмешка:

— Я просто вернул то, что принадлежало мне по праву.

Тань Хуаньси улыбнулся, невольно восхищаясь. По сравнению с Мо Шаохэном, ему не хватало той же решимости и смелости. Он не знал, когда сможет вернуть то, что принадлежит ему, но ради себя и своих родителей он должен это сделать.

— А как насчёт твоего дяди? После смерти твоих родителей права наследования должны были перейти к нему. Почему в итоге старая госпожа Мо взяла контроль над семьёй? — Тань Хуаньси был очень заинтересован. Раньше, когда Мо Шаохэн ещё не вернулся в семью Мо, старая госпожа Мо была лицом, представлявшим всю семью, но о старом господине Мо никто никогда не упоминал.

Мо Шаохэн нахмурился:

— Он недолго пробыл у власти, а потом умер.

Тань Хуаньси удивился. На самом деле он не был совсем неосведомлён. Когда Мо Шаохэн с громким возвращением вступил в семью Мо, смена наследника вызвала бурю обсуждений. Старые распри снова всплыли на поверхность, и все говорили, что Мо Шаохэн, ушедший из семьи Мо в молодости, построил свою силу за её пределами, а вернулся, чтобы отомстить.

На самом деле, по сравнению с дядей Мо Шаохэна, его отец явно был более способным. Однако у дяди была жестокая жена. Сам дядя был слабым и нерешительным человеком, неспособным наслаждаться жизнью, что в итоге привело к нынешнему положению старой госпожи Мо.

Теперь Тань Хуаньси ещё больше запутался. Он мог понять, почему Мо Шаохэн и старая госпожа Мо были как огонь и вода, ведь она была виновницей смерти его родителей. Мо Шаохэн до сих пор держал её рядом, чтобы наблюдать, как она цепляется за жизнь в его руках.

Иногда месть, заключающаяся не в быстрой смерти, а в том, чтобы заставить человека смотреть, как всё, что он когда-то имел, медленно ускользает, может быть более болезненной.

Теперь Тань Хуаньси также мог понять, почему старая госпожа Мо так ненавидела Мо Сьюаня. Мо Шаохэн до сих пор не женился и не завёл детей, но внезапно усыновил ребёнка. Видя, как Мо Шаохэн буквально на руках носит этого «приёмного сына», старая госпожа Мо, естественно, была в панике. Мо Шаохэн собирался передать всю семью Мо «чужому» человеку.

Тань Хуаньси не понимал, почему старая госпожа Мо так плохо относилась к своей родной внучке, Мо Шаньшань. Он однажды тайно спросил Су Ян, но она тоже не была уверена, сказав лишь, что Мо Шаньшань с раннего детства находилась рядом с Мо Шаохэном. Старая госпожа Мо всегда была властной, что привело к тому, что родители Мо Шаньшань стали покорными, беспрекословно подчиняясь её воле. Старая госпожа Мо не любила Мо Шаньшань, и её родители не смели высказать ни слова протеста.

Более того, родители Мо Шаньшань были её единственной дочерью, и они смотрели, как она покидала семью Мо и оставалась с Мо Шаохэном. Даже когда Мо Шаохэн боролся за своё место в мире, Мо Шаньшань предпочитала оставаться с ним, рискуя жизнью, вместо того чтобы вернуться в главный дом.

Однако, видя, как Мо Шаохэн защищает нелюбимую внучку, даже в самые трудные времена, когда он был наиболее уязвим, старая госпожа Мо, вероятно, ещё больше возненавидела его. Возможно, она даже считала, что Мо Шаохэн был послан, чтобы разрушить её жизнь.

Конечно, Мо Шаохэн не держал Мо Шаньшань рядом, чтобы мучить старую госпожу Мо. Тань Хуаньси видел, что Мо Шаохэн искренне любил свою племянницу. Независимо от того, сколько вражды и ненависти было между старшим поколением, Мо Шаньшань, как младшая, была невиновна.

Тань Хуаньси посмотрел на Мо Шаохэна, чувствуя некоторую нерешительность. Ему очень хотелось спросить Мо Шаохэна о Мо Шаньшань.

— Что случилось? — Мо Шаохэн заметил, как Тань Хуаньси украдкой смотрит на него, слегка усмехнулся и произнёс:

— Если есть вопросы, спрашивай. Я всё тебе расскажу.

Тань Хуаньси почесал нос, ощущая, будто Мо Шаохэн его балует.

Мо Шаохэн, увидев его невольное движение, взгляд потемнел и тихо спросил:

— Так... что ты хочешь узнать?

Тань Хуаньси взглянул на Мо Шаохэна, словно взвешивая его слова. Ему действительно было любопытно, но больше он беспокоился о Мо Шаньшань. Его собственный ребёнок очень любил её, а Мо Шаньшань искренне заботилась о Мо Сьюане. Если бы у Мо Шаньшань возникли трудности, он сделал бы всё возможное, чтобы помочь ей.